

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА: СЛУЧАЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА¹

В данной работе исследуются причины, следствия и специфика миграционных процессов, наблюдающихся на территориях Крайнего Севера Дальнего Востока России в начале XXI в. в аспекте их дальнейшего устойчивого развития. Выявляются как структурные особенности миграционных потоков (трудовой характер миграции, возрастная и половая дифференциация мигрирующего населения, временный характер миграции), так и факторы, определяющие сложившуюся тенденцию высокого отрицательного миграционного прироста (моноотраслевой, ресурсодобывающий, а следовательно, чрезвычайно уязвимый в долгосрочной перспективе характер экономики данных регионов, низкий уровень комфортности проживания, отдаленность от крупных образовательных и культурных центров). По итогам изучения статистических данных Федеральной службы государственной статистики оцениваются масштабы убыли населения как в исследуемых регионах в целом, так и в различных типах населенных пунктов, расположенных на их территориях. Доказывается, что с учетом выявленных особенностей миграционной ситуации поселки городского типа являются наименее устойчивыми поселениями в условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: миграционные процессы, Крайний Север, Дальний Восток, миграционный отток, динамика населения, ресурсодобывающие регионы

На Крайнем Севере Дальнего Востока сосредоточены значительные залежи полезных ископаемых (нефть, драгоценные металлы, уголь, железная руда и др.), что делает эти территории важной ресурсной базой дальнейшего промышленного развития России. Однако сверхбыстрые темпы обезлюдивания дальневосточных регионов в постсоветский период, вызванные стремительным миграционным оттоком, могут стать препятствием возможности их более глубокого освоения. Изменение сложившихся тенденций в системе расселения северных территорий Дальнего Востока невозможно без изучения причин, особенностей и специфики миграционной убыли населения, которая приводит к постепенному исчезновению и так немногочисленных существующих здесь опорных пунктов развития. Именно эти вопросы определяют актуальность и являются задачами данного исследования.

В качестве статистической базы исследования были использованы данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также оценочные данные Федеральной службы государственной статистики о численности населения России на 1 января 2019 г. Дополнительно анализируется

¹ © Чайка Е. Е., Мизеровская У. В. Текст. 2020.

статистика территориальных органов Росстата по социально-экономическому развитию исследуемых регионов.

Необходимо отметить, что для сопоставимости данных сделано несколько допущений: во-первых, административные границы субъектов Дальнего Востока РФ рассматриваются по состоянию на начало 2019 г., во-вторых, в зону Крайнего Севера в данном исследовании включаются только непосредственно территории Крайнего Севера, а не приравненные к таковым. Таким образом, в диапазон территорий, исследуемых в данной работе, согласно Перечню районов Крайнего Севера¹, полностью вошли Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха, Камчатский край и северные части Хабаровского края и Сахалинской области.

Общие тенденции демографических процессов, сложившиеся к настоящему времени на всей территории Крайнего Севера России, были изучены в работах А. Л. Синеицы [3], который, в частности, проводит анализ оттока населения через призму различных видов миграций, показывая, что она происходит как внутри самих регионов, так и между ними (при этом наиболее сильно влияние именно межрегиональной миграции из северных регионов в центральные и южные). В работе А. Е. Шапарова [6] утверждается, что северные регионы в целом обладают высококомобильным миграционным населением, что особенно четко видно на примере Арктики. В свою очередь, И. А. Ефремов [1] обнаруживает, что миграционная убыль в северных территориях формируется по четким возрастным критериям — за счет людей пенсионного и предпенсионного возраста. Коллектив исследователей (В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, А. В. Смирнов) [4–5] выявил, что миграции населения из северных территорий препятствуют постарению населения, однако негативно влияя на качество этого населения, что может приводить к снижению потенциала устойчивого развития территории. Последние два исследования особо акцентируют внимание на существовании возрастных особенностей «северной» миграционной убыли: пожилое население предпочитает перебираться в места с более благоприятными для жизни условиями, а молодое, наоборот, привлекают заработки с потенциально высоким доходом. Данный факт определяет еще одну особенность, характерную для всех районов Крайнего Севера — абсолютное преобладание трудового фактора во входящих миграционных потоках.

Трудовая причина входящей миграции в сочетании с «возрастным» оттоком приводит в итоге к негативным последствиям в виде восприятия Севера прибывающими мигрантами как временного пункта пребывания, что снижает мотивацию к качественным изменениям в развитии местных территорий и также работает на стимулирование миграционного

¹ Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 №12. Ред. от 27.02.2018. URL:www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/6b62003cddb7f056e4456256deb5643fe7358625/.

оттока. Этот «кратковременной» подход к пребыванию на Крайнем Севере без цели обосноваться на новом месте достигает своего наиболее яркого проявления в вахтовом методе работы, при котором местное население лишается части рабочих мест и тоже в итоге присоединяется к миграционному оттоку.

Еще одной особенностью миграционных потоков на Крайнем Севере является разница в половой структуре входящей и исходящей миграции. Если миграционная убыль гендерно сбалансирована, то миграционный приток, как правило, формируют мужчины в трудоспособном возрасте, что обуславливается, в первую очередь, современными отраслевыми особенностями экономики Крайнего Севера.

Что касается Крайнего Севера Дальнего Востока, то к общим для северных территорий России особенностям формирования миграционных потоков здесь добавляются также миграционные тенденции, присущие всем дальневосточным регионам. Речь идет о так называемом западном дрейфе [2] — миграционном оттоке населения из восточных регионов страны на запад, в Сибирь и европейскую часть России. При этом миграционная убыль не переходит в миграционный прирост даже на фоне экономического разворота России на восток: интенсификации экономических связей с Китаем, развития транспортной инфраструктуры (от мостов до космодрома Восточный) и локализации научно-исследовательских центров в отдельных городах Дальневосточного федерального округа: Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском. Периферийность положения дальневосточных регионов по отношению к столице и другим городам-миллионникам страны, отдаленность от крупных центров общественной и культурной жизни все еще играют ведущую роль в поддержании западного дрейфа. На общий фактор периферийности Дальнего Востока в его северных регионах накладываются еще и экономические условия, а именно дороговизна проживания: более высокие цены на продовольствие и значительные расходы на ЖКХ. Так, доля продуктов питания в потребительских расходах населения дальневосточного Крайнего Севера составляет 37,2 % (при средней по ДФО 31,6 %), а доля расходов на жилищно-коммунальные услуги — 13 % (при средней по ДФО 10,5 %, а по России в целом — 9,6 %).

Исследуя отличительные черты миграционных процессов северных районов Дальнего Востока, необходимо также вспомнить исторические особенности освоения данных территорий. Если европейский Крайний Север России имеет продолжительную историю освоения (первые города там начали закладываться еще в XIII-XIV вв.), что к настоящему времени обеспечило довольно развитую транспортную инфраструктуру и определенную «оседлость» в менталитете жителей, то развитие севера Дальнего Востока началось фактически только в прошлом веке (за исключением Якутска, местные северные города были основаны в конце XIX — нач. XX вв.) и проходило в значительной мере насильственным путем

через труд заключенных, что находит свое отражение в восприятии обществом данных территорий как непривлекательных для жизни мест, мест-наказаний. При этом несмотря на относительно недолгую историю освоения данных территорий, к настоящему времени они являются одними из лидеров по ветхости жилья: жилищный фонд здесь состоит преимущественно из строений, возведенных еще в советские времена, а количество современных зданий катастрофически мало, что также снижает привлекательность проживания на данных территориях и подталкивает к переезду. В цифрах это выглядит следующим образом: количество аварийного жилья в общем фонде жилья по Крайнему Северу Дальнего Востока составляет 3,8 % (самая катастрофичная ситуация наблюдается в Якутии — 7,9 %), в то время как по ДФО — 2,2 %, а по России в целом — 0,7 %.

Согласно переписи 2002 г., на Крайнем Севере Дальнего Востока проживало 1645051 чел., что составляло на тот момент 24,58 % от населения ДФО. Но уже через 8 лет, по итогам переписи 2010 г., население этих территорий сократилось на 75587 чел. (–4,6 %), а к началу 2019 г. уменьшение населения составило 2,2 % и 6,7 % в сравнении с 2010 и 2002 гг. соответственно. Уменьшение численности населения дальневосточного Крайнего Севера за исследуемый период сформировано именно за счет миграционной убыли, значение которой в наибольшей степени определяет динамику населения Магаданской области и Камчатского края, в которых она в среднем обеспечивает 90 % общего уменьшения численности населения, оставляя оставшиеся 10 % на естественную убыль. Менее подвержены данному явлению Чукотский АО и Республика Саха, в которых естественный прирост населения в течение всего исследуемого периода имеет положительные значения, что несколько сглаживает влияние миграционного оттока.

При анализе структурных составляющих миграционной убыли по видам населенных пунктов, из которых происходит отток, выявляется, что отток населения из поселков городского типа в условиях Крайнего Севера идет более высокими темпами, чем даже из сельских населенных пунктов. Причем эта особенность характерна для всех северных территорий России. Так, общая численность населения пгт, расположенных на территориях Крайнего Севера Дальнего Востока, с 2002 г. сократилась на 33,7 % (33 % в среднем по Крайнему Северу России), в то время как сельские населенные пункты потеряли за это время 9,7 % населения (8,8 % по всему Крайнему Северу). В то же время население городов незначительно подросло: на 4,2 % на Крайнем Севере Дальнего Востока и на 8,77 % на Крайнем Севере России в целом. Таким образом, наиболее уязвимым типом населенных пунктов для Крайнего Севера в настоящее время является пгт.

Подтверждением их уязвимости служит динамика количества данных населенных пунктов за исследуемый период времени (рис., табл.).

Рис. Динамика количества городских населенных пунктов и средней численности их населения на Крайнем Севере Дальнего Востока в 2002–2019 гг. (источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата (Всероссийские переписи населения // База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/vpn_porul (дата обращения 03.05.2020)))

На 2002 г. на Крайнем Севере Дальнего Востока насчитывалось 111 пгт и 25 городов. Число городов к настоящему времени уменьшилось на один, а вот число пгт — на 27 % к 2010 г. и на 32,4 % к 2019 г. (в сопоставлении с 2002 г.). Учитывая тот факт, что темп миграционного оттока населения больше темпа уменьшения количества пгт, средняя численность пгт также заметно снизилась. Снижение числа городов было вызвано резким уменьшением численности населения г. Ключи в Камчатском крае, из-за чего он был преобразован обычный поселок, минуя фазу пгт. Что касается уменьшения количества пгт, то причины их исчезновения различны. Два из 36 вошли в черту города Якутска и стали районами города (Кангалассы и Марха), 16 — потеряли градообразующую отрасль (добывающую) и вследствие последовавшего оттока населения поменяли свой статус на сельские населенные пункты, 18 оставшихся не смогли функционировать в качестве сел и поселков и пришли в полное запустение, из-за чего были либо ликвидированы, либо заброшены. Из характерных примеров тут можно привести следующие: пгт Ленинградский в Чукотском АО был ликвидирован после истощения близлежащего золотоносного прииска, золотодобывающая компания пгт Карамкен в Магаданской области была признана банкротом, что впоследствии привело к его ликвидации, пгт Эльгинский в Якутии был

ликвидирован через некоторое время после истощения месторождения золота и т. д.

Рассмотрим ситуацию в каждом из исследуемых регионов по отдельности. Все они являются добывающими, подтверждением чего служит высокая доля добывающей отрасли в промышленном производстве. Единственным исключением является Камчатский край, о чем будет сказано далее.

Самый простой случай представляет собой Хабаровский край, на относящейся к Крайнему Северу территории которого находятся только один пгт и несколько сельских населенных пунктов. Данная территория включает два северных района края — Аяно-Майский и Охотский, — основу экономики которых составляет добыча золота и серебра (89,5 % всего промышленного производства). В результате миграции за 17 лет почти в 1,5 раза сократилось сельское население, чуть в меньшей степени (на 42,5 %) сократилось население единственного пгт Охотска. В абсолютном выражении сокращение численности, правда, смотрится не столь устрашающе (уменьшение на 2440 чел.). Сокращение численности населения было связано с закрытием нескольких золотодобывающих предприятий.

Более сильно, как в абсолютных показателях, так и в относительных, пострадала от миграционной убыли Магаданская область, специализацией которой является также золото- и серебродобыча (85,3 % всего промышленного производства региона). Сельское население области в 2002–2019 гг. уменьшилось более чем на 60 %, пгт — на 36 %, городов — на 10 % при общем сокращении числа поселков городского типа на 14 %. Данный регион испытывает сильнейшую депопуляцию, которую не могут остановить ни растущий с 2014 г. объем добычи золота, ни создание инновационных кластеров с добывающими компаниями в составе. Местное население, несмотря на высокие средние зарплаты, предпочитает покидать регион, поскольку все преимущества нивелируются высокими ценами на услуги ЖКХ и продовольствие, которое из-за перевозки авиасообщением резко возрастает в цене. Однако на такие условия согласны рабочие-вахтовики, прибывающие из других субъектов, поскольку им зачастую покрывают расходы и на питание, и на проживание.

Также снижения численности населения не избежали ни Сахалинская область, ни Камчатский край, несмотря на отличную от Магаданской области и севера Хабаровского края специализацию. Северные регионы Сахалинской области специализируются на разработке месторождений нефти, что объясняет самый высокий на изучаемой территории показатель доли добывающего сектора в промышленном производстве (94,4 %). В свою очередь, Камчатский край выбивается из регионов добывающей промышленности: его соответствующий показатель 12,3 %, при том что объемы добычи золота у него сопоставимы с объемами в Чукотском АО. Однако значение золотодобычи здесь перекрывается развитием рыбной промышленности. В обоих субъектах существовавшее в 2002 г. количество

Таблица

Сравнительная динамика общей численности населения территорий Крайнего Севера Дальнего Востока и населения пгт с 2002 г. по 2019 г., %

Территория	Количество пгт	Население пгт	Население городов	Сельское население	Общее население
Магаданская обл.	–14,3	–36,1	–10,1	–60,4	–22,7
Сахалинская обл. (Районы: Курильский, Ногликский, Охинский, Северо-Курильский и Южно-Курильский)	–71,4	–11,5	–25,4	–11,1	–18,3
Респ. Саха	–25,5	–30,8	+18,6	–2,9	+1,9
Камчатский край	–71,4	–78	–10,5	–21,5	–16,6
Хабаровский край (Охотский и Аян-Майский районы)	0	–42,5	—	–48	–45,9
Чукотский АО	–61,5	–25,8	+12,5	–19,4	–7,7

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата (численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13282> (дата обращения 03.05.2020)).

пгт (по 7 в каждом) уменьшилось на 71,4 % (до 2 в каждом). При этом, как уже отмечалось ранее, в Камчатском крае исчез один город, превратившийся в поселок. Более того, там же произошло резкое снижение численности проживающих в пгт — в связи с ликвидацией большинства них и переездом людей в города. Случай же Сахалинской области доказывает, что даже высокодоходная нефтяная отрасль не способна длительное время удерживать население на Крайнем Севере Дальнего Востока.

Несмотря на общую отрицательную динамику населения, в двух регионах — Чукотском АО и Республике Саха — зафиксированы положительные приросты в населении городов, а в последней еще и незначительное увеличение совокупной численности населения. Если на Чукотке, ведущей отраслью которой (как и у ее соседа — Магаданской области) является золото- и серебродобыча (доля в промышленном производстве региона 86,7 %), прирост населения городов вызван преимущественно внутрирегиональной миграцией из ликвидированных пгт и немногочисленных сельских населенных пунктов, то в Якутии, в которой аналогично ведется добыча драгметаллов, а также разработка алмазных месторождений (совокупная доля в промышленном производстве — 88,1 %), это дополняется еще и административными преобразованиями (включением двух крупных пгт в состав городской черты разросшегося Якутска), а также превышающим цифры миграционной убыли естественным приростом.

Общая динамика по дальневосточным регионам Крайнего Севера такова, что в среднем по причине миграционного оттока города потеряли 8,6 % населения, в то время как аналогичный показатель у поселков городского типа почти в 2,2 раза выше (снижение в среднем на 18,5 %), что подтверждает более быстрое обезлюдивание именно мелких населенных пунктов, нежели крупных городов. Ведущей причиной столь сильных изменений является потеря экономической эффективности преимущественно монопрофильных пгт, что приводит к исчезновению данных населенных пунктов и порождает неравномерность распределения населения и развития территорий. А это, в свою очередь, вкупе со сложными условиями еще больше затрудняет освоение данных перспективных территорий.

Существующая проблема миграционной убыли дальневосточных регионов Крайнего Севера, помимо трудностей в пространственном освоении указанных территорий, как уже было отмечено выше, имеет и другие негативные эффекты. Разработка месторождений вахтовым методом пусть и является более выгодной в краткосрочном временном промежутке ввиду отсутствия необходимости возведения сложной и качественной инфраструктуры, в долгосрочной перспективе может иметь отрицательные экологические и социальные последствия. Приезжающим трудовым мигрантам часто не интересен регион их работы с точки зрения долговременного устойчивого развития, что может спровоцировать небрежное, потребительское отношение к окружающей среде, в условиях преобладания в структуре промышленного производства добывающей отрасли такое отношение особенно опасно, учитывая хрупкость экосистемы Крайнего Севера.

Тем не менее, очевидно, что миграционная убыль из регионов Крайнего Севера России, помимо перечисленных и проанализированных выше причин, обусловлена также устаревшей схемой системы расселения на данных территориях, которая сложилась в советское время. В этой схеме пгт для освоения Севера играли даже более важную роль, чем города — вследствие меньших затрат по их основанию, они обеспечивали динамичное освоение новых пространств. Однако к настоящему времени пгт, имеющие характерные также и для городов проблемы, связанные, прежде всего, с развитием сферы ЖКХ, но при этом не имеющие их преимуществ в виде агломерационной экономики и, кроме того, обладающие максимально неустойчивой к кризисам монопрофильной ориентацией, стали абсолютно непривлекательным типом населенных пунктов.

Список источников

1. Ефремов И. А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. 2016. № 4 (97). С. 140–159.
2. Мкртчян Н. В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4

3. Синица А. Л. Демографическое развитие районов Крайнего Севера в 2000–2015 гг.: итоги миграции // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 2(12). С. 53–57.
4. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1370–1382.
5. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н., Смирнов А. В. Влияние миграций на численность и трансформацию социально-демографических структур населения российского севера // Известия Коми научного центра УрО РАН. –018. № 4 (36). С. 111–121.
6. Шапаров А. Е. Миграционные процессы в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Россия. Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2019. С. 626–631.

Информация об авторах

Чайка Егор Евгеньевич (РФ, Москва) — студент, Российский университет дружбы народов (117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6), e-mail: jkzitr2499@mail.ru.

Мизеровская Ульяна Викторовна (РФ, Москва) — кандидат экономических наук, доцент кафедры Региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов (117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6), e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru.

E. E. Chaika, U. V. Mizerovskaya

Features of Migration Processes in the Mining Region of the Extreme North: the Case of the Far East

In this paper, we study the causes, effects and specifics of migration processes observed in the Extreme North of the Russian Far East in the beginning of the 21st century in the aspect of their further sustainable development. The structural features of migration flows (the labor nature of migration, age and gender differentiation of the migrant population, the temporary nature of migration), as well as factors determining the prevailing trend of high negative migration growth (single industry, resource extraction), and therefore extremely vulnerable in the long term, the nature of the data economy are revealed). regions, low level of living comfort, remoteness from large educational and cultural centers). Based on the results of studying the statistical data of the Federal State Statistics Service, the extent of population decline is estimated both in the studied regions as a whole and in various types of settlements located in their territories. It is proved that, taking into account the identified features of the migration situation, urban-type settlements are the least stable settlements in the Extreme North.

Keywords: migration processes, Extreme North, Far East, migration outflow, population dynamics, resource-extracting regions

Authors

Chaika Egor Evgenevich (Russia, Moscow) — student, RUDN University (117198, South-Western Administrative District, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6), e-mail: jkzitr2499@mail.ru.

Mizerovskaya Uliana Viktorovna (Russia, Moscow) — Ph.D., Associate Professor, Department of Regional Economics and Geography, RUDN University (117198, South-Western Administrative District, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6), e-mail: mizerovskaya-uv@rudn.ru.

References

1. Efremov I. A. Modern migration processes in the Extreme North of Russia // Regionology. 2016. No. 4 (97). p. 140–159.
2. Mkrtchyan N. V. “Western drift” of intra-Russian migration // Domestic notes. 2004. No. 4
3. Sinita A. L. Demographic development of the Extreme North in 2000–2015: migration results // Bulletin of Surgut State University. 2016. No. 2 (12). p. 53–57.
4. Fauser V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Sustainable development of the northern regions: demographic dimension // Ekonomika regiona. 2018. T. 14, No. 4. p. 1370–1382.

5. Fauser V. V., Lytkina T. S., Fauser G. N., Smirnov A. V. The effect of migration on the number and transformation of socio-demographic structures of the population of the Russian north // Bulletin of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 4 (36). p. 111–121.

6. Shaparov A. E. Migration processes in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation // Yearbook "Russia: Trends and Prospects of Development". 2019. p. 626–631.